

Л.А. Королева, А.А. Королев

**«Модернизация» ислама в СССР. 1950–1980 гг.
(по материалам проповедей мусульманского
духовенства Среднего Поволжья)**

Ключевые слова: СССР, ислам, «модернизация» религии, проповедь.

Модернизация (модернизм) религии представляет собой попытку ее адаптации к изменившимся общественно-историческим условиям, сознанию верующих с целью упрочения религиозных позиций, преодоления кризиса веры, выработка новых форм существования или сосуществования с другим мировоззрением, как это произошло в СССР. В свое время В.И. Ленин верно отметил суть данного процесса – «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию» [1, с. 90]. В период 1950–1980-х гг. служители исламского культа прикладывали активные усилия в плане приспособления основных постулатов веры к новым социалистическим обстоятельствам. Довольно яркое отражение это нашло в проповеднической деятельности мусульманского духовенства.

Проповедническая деятельность считалась одной из важнейших обязанностей служителей мусульманского культа, поскольку «проповедь является наиболее динамичным элементом религиозного комплекса, открывающим широкое поле для маневрирования, для совершенствования аргументации и освоения новой проблематики. Именно с помощью проповеди в первую очередь модернистские идеи распространяются среди масс верующих» [2, с. 4]. Проповеди звучали на самые различные темы – от актуальных проблем социально-политического характера, чисто ортодоксально-догматического содержания до нравственных и других жизненно важных вопросов. В.А. Куроедов подчеркивал: «Социалистическая действительность, историческое творчество народов, которые сами стали хозяевами своей судьбы, подорвала веру в божественное предопределение. И мусульманское духовенство в настоящее время проповедует, что хотя многое и предопределено Аллахом, но немало зависит и от намерений людей и их упорства в достижении намеченных целей» [3, с. 166–167].

Социальные и нравственные проблемы жизни советского общества – труд, образование, национальные и семейно-бытовые отношения и подобное – постоянно находились в поле зрения исламского духовенства. Уполномоченный Совета по Ульяновской области С.М. Агафонов верно определил содержание и задачи проповедей служителей мусульманского культа:

«...мулла выступал перед верующими с небольшой проповедью, в которой призывал молящихся придерживаться вероучения ислама, во всем проявлять покорность и терпение, не обижать близких, родственников и товарищей по работе, старшим поучать младших, а младшим слушаться и повиноваться старшим, молиться за здоровье и благополучие свое и близких родственников. Цель проповеди – удерживать и закреплять веру не только за теми, кто посещает мечеть, но и за их семьями» [4, л. 14]. Анализируя публичные выступления муллы Татарской АССР, уполномоченный Совета давал им следующую характеристику: «В своих проповедях имамы мечетей, проявляя лояльность и уважение к конституционным требованиям и одобряя внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, призывали верующих к строгому соблюдению догматов ислама, утверждали, что не всякий добродетельный поступок является истинным добром, а только такой, который сотворен глубоко верующим человеком: что нет и не может быть настоящей нравственности без веры в Аллаха, и поэтому-де религия необходима и при социализме; что нормы морали социалистического общества совпадают с нравственными предписаниями ислама, а положения ислама и его обряды подтверждаются научными данными. Почти во всех проповедях национальное и мусульманское очень часто отождествляется. ... Все это является попыткой мусульманского духовенства ответить на те вопросы, которые ставит жизнь» [5, л. 90].

Со временем в выступлениях священнослужителей начали звучать такие категории, как «социальный прогресс», «социальные законы», «закономерности развития природы и общества» и т.д. В 1965 г. муллы Степно-Озерской общины, Курманаевской и Старо-Утямшской мечетей (Татарская АССР) в своих проповедях говорили о необходимости честного отношения к колхозной собственности, воспитании молодежи в духе времени, уважении к родителям и старикам, выполнении принятых обязательств и т.п. [6, л. 213]. Имам альметьевской мечети Ш. Гарипов (Татарская АССР) в одной из проповедей обращался к верующим: «Коран – основа нашей религии, требует от каждого из нас выполнять указания нашего правительства с таким же усердием, с каким мы выполняем и предписания самого Аллаха и пророка Мухаммеда. Все мусульмане должны еще лучше трудиться на производстве, а этот наш труд будет способствовать увеличению богатства нашей родины, повышению

благополучия всего народа» [7, л. 46]. В 1971 г. мулла куйбышевской мечети К.Ш. Шарафутдинов в одной из своих проповедей говорил, что «многие верующие, приезжая молиться в мечеть на государственном транспорте, на содержание которого затрачиваются колоссальные средства, не считают нужным покупать билеты, т.е. ездят бесплатно» [8, л. 27]. Подобные поступки были квалифицированы муллой как противоречившие поучению Корана и негодные Аллаху.

Произошли изменения в отношении служителей исламского культа к науке. Явно прослеживалась тенденция синтезировать научные данные и положения Корана о существовании бога. Если раньше научные открытия категорически отвергались, то со временем достижения научно-технического прогресса стали расцениваться как нечто несовершенное, второстепенное. Существование бога стало «доказываться» с помощью научных достижений. Среди мусульманских модернистов СССР стало популярным положение о том, что развитие советской науки происходит милостью Аллаха, Коран является «кладом» науки. Так, выпускник медресе «Мир араб» А.Ш. Бибарсов в своем выступлении перед верующими в 1971 г. произнес: «В одном из аятов, хадисов пророк говорил о том, что, чем молиться в течение одной ночи, полезнее один час заниматься наукой; один день изучать науки полезнее, чем соблюдать уразу в течение одного месяца» [9, с. 136–138].

Характерный пример религиозного модернизма – попытка отождествления религиозных и коммунистических принципов морали, синтез религиозных и светских праздников и т.д. Так, имам-хатыб казанской соборной мечети Рахматулин 5 ноября 1965 г. в своей проповеди говорил: «Прихожане! Если Аллаху будет угодно, послезавтра, 7 ноября, будет праздник Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день празднуется революция, давшая всему пролетариату свободу, направившая угнетенные народы всего мира к освобождению, сделавшая людей разных наций равноправными гражданами и передавшая управление государством в руки народа, свалив господство буржуазии в России» [10, с. 39–40]. Далее говорилось, что мусульмане России с большой радостью встречают данный праздник, поскольку Великий Октябрь выполнил многое из того, что предназначено в Коране. В 1969 г. последняя пятница месяца шаабан и 32 годовщина Октября совпали, и мулла казанской мечети Х.Я. Яруллин в проповеди поздравил верующих и пожелал им: «Пусть в эти дни нам простит Аллах наши прегрешения и уготовит лучшую жизнь для тех, кто покинет этот мир в дни рамазана. Пусть пройдет этот день – день Великого Октября в мире и радости для наших народов» [11, л. 2]. Уполномоченный Совета в Татарской АССР обращал внимание, что «общим для проповедей данного дня являлось стремление духовенства подчеркнуть свою политическую лояльность советской власти и призыв к верующим встре-

тить пролетарский праздник хорошими делами» [11, л. 2]. В г. Набережные Челны на «Курбан-байрам» мулла поздравил всех верующих с праздником и призывал достойно встретить 100-летие со дня рождения В.И. Ленина [11, л. 20–21].

С середины 1970-х гг. в проповедях духовенства Среднего Поволжья сильным лейтмотивом стали призывы к миру, что было связано с изменением международной обстановки. В дни «Курбан-байрама» 1977 г. в выступлениях мулл сельских мечетей А. Ахметвалеева (с. Новое Узеево Татарской АССР), З. Галиуллина (с. Старые Киязлы Татарской АССР), Н. Нурмухаметова (с. Курманаево Татарской АССР) особое внимание было уделено вопросам «О борьбе народов за мир и посильное участие в ней верующих мечети», «О мире на земле», «Об участии своими средствами в борьбе за мир» и т.п. [12, л. 129–130]. В 1979 г. накануне «Курбан-байрам» на места было разослано праздничное послание муфтия ДУМЕС для использования муллами в проповеднической работе, где особое внимание обращалось на «одобрение подписания договора об ОСВ-2, неустанную борьбу Советского правительства за мир между народами» и т.д. [7, л. 42]. В проповеди имама мечети Ш. Гарипова г. Альметьевска звучало: «Борьба за мир и его защита – священный долг каждого мусульманина и всех людей доброй воли. Вы знаете, что недавно было подписано Советским правительством и американским президентом соглашение об ограничении стратегических вооружений. Это – событие огромной важности в деле сохранения мира на земле. Мы, мусульмане, как и все миролюбивые народы мира, одобряем и поддерживаем этот договор. Пусть скорее будут уничтожены все опасные виды вооружений, и пусть народы заживут мирной жизнью. Пусть Всевышний Аллах поможет нашим руководителям в их неустанной борьбе за мир и дружбу между народами» [7, л. 46]. Муллы мечетей г. Ульяновска В. Наруллов, с. Абдреево М. Хайруллин призывали верующих помолиться за правительство и «выражали пожелание ему и впредь заботиться о мире и не допускать войны» [13, л. 2].

Особое внимание в своих публичных выступлениях священнослужители мусульманского культа обращали на единство национального и религиозного. Так, имам казанской мечети З. Сафиуллин на «Уразу-байрам» (1982 г.) говорил: «То, что мы сегодня испытываем великую радость, существуем как великая нация – все это только благодаря благословенному исламу. И если мы отступимся от своей веры, упаси Аллах, то окончательно затеряемся среди других наций. Слава Аллаху, наше будущее возможно только под сенью нашей религии» [14, л. 55]. Некоторые в этом стремлении возвеличивания национально-религиозного момента выходили за рамки, очерченные советскими властями: в 1960 г. Х.Н. Мансуров, мулла Чистопольской мечети (Татарская АССР) был снят

с регистрации за нарушение законодательства о культах, что выражалось в «допущении выпадов против других национальностей и т.д.» [6, л. 14].

Постоянно в богослужениях, особенно в сельской местности, звучали наставления о вреде курения, пьянства, морального облика верующего, о воспитании детей и т.д. В мечети Чистополя Татарской АССР имам Н.М. Мофлюхунов говорил: «Водка – мать безобразных дел, начало всех грехов. Тот, кто употребляет водку – отступник от веры, он не верит в потусторонний мир и рай. Алкоголик разрушает религию ислам. Тот, кто дает деньги алкоголику, подобен соучастнику в убийстве. Не будьте спутником пьющего. Если алкоголик заболел, не интересуйтесь его здоровьем, если умрет – не участвуйте в его похоронах, т.к. он уже отлучен Аллахом от ислама» [7, л. 47]. Данные сюжеты были актуальны для верующих мусульман и, что особенно важно, доступны для восприятия и понимания. Так, ульяновский уполномоченный в 1979 г. докладывал: «Проповеднические выступления служителей культа мечетей г. Ульяновска, р.п. Старотимошкино, с. Тат. Урайкино Н.Х. Жаруллова, Ю.И. Сеюкова, З. Сингатуллова носили смысл религиозно-нравственных поучений и наставлений. Они призывали верующих не совершать греховных поступков, быть примерными дома и на работе, всегда просить помощи у аллаха в своей жизни, в своих делах. «Я не могу перевести то, что зачитывал муллы из Корана, – заявил в беседе один из верующих, посетивший мечеть в г. Ульяновске, – но я хорошо понял те его слова, которые он сказал на нашем языке, слова о примерном поведении, о доброте, скромности, о дисциплине. Это неплохо. Так же и мы должны воспитывать своих детей». Подобные поучения и притягивают людей в мечети» [15, л. 32]. По едкому замечанию уполномоченного Совета по Куйбышевской области, «за такие проповеди верующие видят в лице мулл чуть ли не пропагандистов коммунистической морали и нравственности» [16, л. 88].

В общей своей массе проповеди исламского духовенства Среднего Поволжья носили достаточно однообразный характер, повторялись из года в год, в них использовались, как правило, одни и те же аяты и высказывания из хадисов. Так, мулла казанской мечети Х. Яруллин (Татарская АССР) текст праздничной проповеди в неизменном виде использовал 6 лет, мулла бугульминской мечети Г. Хамидуллин (Татарская АССР) более 8 лет выступал с одним и тем же текстом [12, л. 2]. Ситуацию весьма красноречиво обрисовал имам мечети с. Степное Озеро Н. Шаяхматов (1981 г.): «...я выступаю с одной и той же проповедью с 1946 года. Эту же проповедь читали и мои предшественники. Она нас вполне устраивает. Потому что верующие никакого духовного образования не имеют и в мечеть ходят два раза в год. Вообще наша проповедническая деятельность затухает. Или им говоришь,

или стенам – одно и то же» [17, л. 65]. Безусловно, некоторые конъюнктурные моменты присутствуют, но в целом картина представлена довольно объективно.

По мнению уполномоченного Совета по Татарской АССР И.А. Михалева, причина данного явления крылась в том, что «абсолютное большинство мулл – религиозные самоучки, имевшие низкий уровень общеобразовательной подготовки, кроме того, в настоящее время значительно ослаблены связи духовенства с муфтием, и он не рассылает праздничных посланий» [18, л. 7]. Следует отметить, что верующих далеко не всегда устраивал столь низкий уровень «компетентности» служителей культа. Так, в 1969 г. в Чистополе (Татарская АССР) во время проповеди муллы Н.М. Мофлюхунова на «Курбан-байрам» раздавались реплики «Это мы уже слышали», «Ничего нет нового» и т.п. [11, л. 20].

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства и в силу их слабой «профессиональной» подготовки некоторые из мулл даже не выступали с религиозными проповедями, а ограничивались поздравлениями верующих с праздниками и высказыванием пожеланий им благополучия и мира (особенно часто данное явление встречалось в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях). В Татарской АССР муллы часто просто зачитывали верующим послания муфтия ДУМЕС или поздравительные телеграммы от религиозных объединений за пределами республики, в лучшем случае, со своими минимальными комментариями [5, л. 90]. В Ульяновской области со служителями исламского культа ситуация складывалась настолько сложно, что в середине 1980-х гг. в мечетях Ульяновска и Димитровграда в дни празднования «Курбан-байрама» были командированы студенты старших курсов «духовной семинарии» в Ташкенте, которые выступали с проповедями [19, л. 52].

В Пензенском регионе мухтасиб Я.С. Юсупов старался личным примером активизировать проповедническую деятельность. Так, по сообщению уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области, 24 мая 1961 г. в день религиозного праздника «Курбан-байрам» мухтасиб выступил перед 300 верующими в мечети с. Большой Труев Кузнецкого района. Свою речь он начал с изречений из Корана, зафиксировал уполномоченный Совета по делам религиозных культов С.С. Попов в своем отчете, затем быстро «спустился с небес на землю» и дальше говорил только о вопросах современной жизни. О чем только ни говорил мулла Юсупов! О любви к родине, подчинении ее законам, соблюдении трудовой дисциплины, о выполнении народнохозяйственных планов, необходимости обучения детей трудовым специальностям и даже о вреде алкоголя. Совершенно очевидно, что в этих разглагольствованиях муллы верующие не нуждались. Они потребовались мулле Юсупову для

того, чтоб «втереться» в доверие к верующим, создать видимость, что его деятельность тоже «полезна» для общества, и что он, мулла Юсупов, тоже «шагает в ногу» с жизнью» [20, л. 257]. Необходимость адекватно реагировать на современные реалии советского общества обусловила тот факт, что, начиная с этого времени «в проповедях мулл центральными темами сделались рассуждения о цивилизаторской миссии ислама, о всемерной заботе мусульманских организаций о культурном росте народа, повышении образовательного уровня молодежи» [21, л. 38].

В целом же имамы областей Среднего Поволжья не блистали оригинальностью в своей проповеднической практике, выступали довольно редко, особенно в Пензенском регионе. По замечанию куйбышевского уполномоченного Совета, «как правило, муллы выступают произвольно, без письменных текстов. Смысл большинства проповедей... сводился к пересказу отдельных мест Корана и их значении для верующих. Значительное место в проповедях занимала тема морально-нравственных поучений и осуждение еще бытующих пороков (пьянства, разврата, неуважения к старикам и т.д.)» [22, л. 5]. Особое внимание верующих при этом обращалось на необходимость соблюдения законов советской власти и правильного поведения в общественных местах, что также трактовалось как одно из требований Корана [23, л. 73].

Священнослужители исламского культа, придерживаясь в целом лояльной позиции по отношению к советской власти, вступали иногда с ней в конфронтацию. Так, в конце 1970-х – начале 1980-х гг. сами верующие Чистополя Татарской АССР начали открыто выражать недовольство действиями, вернее, бездействиями муллы Н.М. Мофлюхунова, который отказывался отпевать погибших при исполнении воинского долга, мотивируя свою позицию тем, что «эти люди преждевременно ушли из жизни не в боях за ислам, а по иным причинам», о чем говорил в своих

проповедях. Более того, он не скрывал своего неприязненного отношения к членам КПСС и ВЛКСМ. По сведениям уполномоченного по республике, в своих проповедях Н.М. Мофлюхунов публично осуждал интернациональное общение граждан, препятствовал заключению смешанных браков и т.д. [24, л. 36].

В 1970-х гг. в Среднем Поволжье получила распространение практика представления содержания проповедей мулл уполномоченным Совета и в комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах [24, л. 36], что расценивалось уполномоченными как «проявление лояльности к органам советской власти» [5, л. 90].

Таким образом, мусульманское духовенство Среднего Поволжья отличалось активностью и последовательностью в использовании разнообразных методов работы, в том числе и проповеднической деятельности, среди населения. Эффективность проповедей мусульманского духовенства была, поскольку звучавшие в них сюжеты о любви к Родине, укреплении семьи, ведении здорового образа жизни, формировании трудолюбия отвечали обыденным запросам верующих, были им понятны и близки, в свою очередь, попутно доказывали единство ценностей ислама и общечеловеческого. Но, тем не менее, кризисные тенденции ощущались, поскольку советская действительность явно не благоприятствовала распространению религиозности. Служители исламского культа также говорили в своих выступлениях о лояльном отношении к социалистическому строю, одобрении внешней и внутренней политики КПСС и Советского правительства, в целом, что, с одной стороны, обеспечивало относительно комфортные условия существования, с другой, частично приводило к ослаблению атеистической работы на местах, распространению религиозного мировоззрения и способствовало поддержанию влияния служителей исламского культа.

Библиографический список

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 19.
2. Аширов, Н. Мусульманская проповедь / Н. Аширов. – М., 1978.
3. Куроедов, В.А. Религия и церковь в Советском государстве / В.А. Куроедов. – М., 1982.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. Р-3705. – Оп. 1. – Д. 84.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 99.
6. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 11.
7. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 93.
8. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. Р-4089. – Оп. 1. – Д. 15.
9. Вопросы теории и практики атеистического воспитания. – Ташкент, 1979.
10. Аширов, Н. Эволюция ислама в СССР / Н. Аширов. – М., 1974.
11. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 2. – Д. 41.
12. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 81.
13. ГАУО. – Ф. Р-3705. – Оп. 1. – Д. 124.
14. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 111.
15. ГАУО. – Ф. Р-3705. – Оп. 1. – Д. 133.
16. ГАУО. – Ф. Р-4089. – Оп. 1. – Д. 11.
17. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 105.
18. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 2. – Д. 40.
19. ГАУО. – Ф. Р-3705. – Оп. 1. – Д. 154.
20. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 1.
21. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. – Оп. 67. – Д. 115.
22. ГАСО. – Ф. Р-4089. – Оп. 1. – Д. 7.
23. ГАСО. – Ф. Р-4089. – Оп. 1. – Д. 9.
24. НА РТ. – Ф. Р-873. – Оп. 1. – Д. 77.